

УДК 316.34:355.01

КОНЦЕПТ МИЛИТАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Батаева Екатерина Викторовна – доктор филос. наук, доцент, профессор кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», ул. Лермонтовская, 27, Харьков, 61024, Украина, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4628-4817>, e-mail: bataevaekaterina72@yahoo.com

Артеменко Анна Брониславовна – аспирант кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия», ул. Лермонтовская, 27, Харьков, 61024, Украина, e-mail: a.b.renkas@ukr.net

Ekaterina Bataeva – Doctor of Philosophy Science, Professor of the Department of Sociology, Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy», 27, Lermontovska st., Kharkiv, 61024, Ukraine, e-mail: bataevaekaterina72@yahoo.com, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-4628-4817>

Anna Artemenko – Post-graduate Student of the Department of Sociology, Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy», 27, Lermontovska st., Kharkiv, 61024, Ukraine, e-mail: a.b.renkas@ukr.net

У статті представлені основні показники мілітарної ідентичності, розглянуті теоретичні підходи до вивчення проблеми мілітарного/постмілітарного транзиту. Мілітарну ідентичність визначено як результат соціальної ідентифікації актора з армією/військовими групами внаслідок інтерналізації цінностей і норм, прийнятих в армійському/мілітарному полі. Виялені особливості двох мілітарних транзитів – транзиту з цивільного життя в армійське поле (після мобілізації або добровільного вступу до лав збройних сил) і транзиту з армії в цивільне поле (після демобілізації або звільнення за станом здоров'я). Підкреслено, що перший транзит передбачає формування мілітарної ідентичності, другий співвідноситься з феноменом постмілітарної ідентичності. Зазначено, що високий рівень мілітарної ідентичності може, з одного боку, перешкоджати соціальній реадaptaції в період другої транзиції (переходу від армійського до цивільного життя), з іншого – сприяти успішному пристосуванню призвоника до життя в армії в разі першої транзиції (переходу від цивільного життя до армійського). Акцентовано, що постармійський період соціальної реадaptaції актора може бути ускладнений контрастом між способом життя військових (з його культурою слухняності, дисциплінованості, командного духу) і цивільних осіб (які цінують незалежність, особистісну автономію і самовизначення), що може призвести до конфлікту між мілітарною і громадянською ідентичностями актора, негативно вплинути на його соціальне буття.

Ключові слова: соціальна ідентичність, мілітарна ідентичність, військові, армія, транзит мілітарної ідентичності, реадaptaція.

The article presents the main characteristics of the military identity, examines theoretical approaches to the study of the problem of military/post-military transition. Military identity is the result of the social identification of the actor with the army/military groups due to the internalization of values and norms adopted in the army/military field. The peculiarities of two military transition – transition from civilian life to the military field (after mobilization or voluntary membership in the armed forces) and transition from military to civilian field (after demobilization or dismissal for health reasons) are revealed. If the first transition involves the formation of a military identity, then the second transition is correlated with the phenomenon of postmilitary identity. If high levels of military identity can interfere with social reintegration during the second transition (transition from military to civilian life), then in the case of the first transition (transition from civil life to army life), they can contribute to the successful adaptation of the recruit for life in the army. The post-army period of social reintegration of veterans can be complicated by the contrast between the way of life of the military (with its culture of obedience, discipline, command spirit) and civilians (who value independence, personal autonomy and self-determination). As a result, there may be a conflict between the military and civil identities of the social actor, negatively affecting his/her social existence.

Keywords: social identity, military identity, military, army, transition of military identity, readaptation.

В западной социологии понятие военной идентичности используется в контексте изучения проблем вторичной социализации новобранцев и ресоциализации демобилизованных солдат, формирования профессиональной идентичности солдата-воина и ее влияния на повседневность социального актора. В отечественной социологии этот концепт практически не используется, за исключением редкого применения понятия воинской идентичности, которое содержательно лишь частично пересекается с концептом военной идентичности, разрабатываемым западными социологами. Поэтому возникает необходимость в восполнении теоретической лакуны в отечественной

социологии и изучении феномена военной идентичности, что обретает особую актуальность в контексте исследования социальных эффектов вооруженного конфликта на Донбассе.

Сказанное выше предопределяет гносеологическую и онтологическую стороны проблемной ситуации, обусловившей необходимость нашего исследования и, следовательно, его актуальность. **Цель** данной статьи – выявить основные характеристики военной / поствоенной идентичности и их транзита, представленные в социологическом дискурсе данного феномена.

Реализуя эту цель, прежде всего подчеркнем, что военная идентичность является разновидностью феномена социальной идентичности, концептуализация которого имеет долгую историю. Разные аспекты социальной идентичности изучали такие зарубежные и отечественные исследователи, как Д. Александер, П. Бергер, Э. Гидденс, З. Бауман, Т. Лукман, Г. Тэджфел, Дж. Тернер, Э. Эрикссон; В. Арбенина, Т. Воропай, О. Даниленко, С. Макеев, А. Мусиездов, А. Ручка, Т. Соболев, Л. Сокурская, Ю. Сорока, О. Филиппова, Н. Черныш, М. Шульга, В. Ядов [1–7] и другие. По определению Э. Эриксона и Г. Тэджфела, социальная идентичность – это результат осознания человеком своей принадлежности к различным социальным группам, благодаря чему происходит интернализация групповых стандартов, ценностей и норм поведения. По мнению авторов статьи, военную идентичность можно определить как результат социальной идентификации актора с армией/военными группами вследствие интернализации ценностей и норм, принятых в армейском/военном поле.

Как представляется, в отечественной социологии следовало бы отдать предпочтение английскому термину «военный» (military), включающему в себя несколько значений, которые в украинском и русском языках выражаются посредством разных слов (військовий, военний, армійський, армія, воїн, військовослужбовець; военный, армейский, армия, вооруженные силы, воин, воинский, военнослужащий). Соответственно, «преимущество» понятия «военная идентичность» заключается в его многозначности, которая раскрывается с помощью нескольких концептов – армейская идентичность (соотносимая со службой в армии), военная идентичность (соотносимая с участием в военных операциях), идентичность военнослужащего (как действующего, так и бывшего).

Как полагают Р. Йохансен, М. Мартинусен и Н. Квилвэн, военная идентичность актора соотносится с доминантными целями, ценностями и задачами вооруженных сил; в ней репрезентирована нацеленность солдат и офицеров на их интернализацию [8]. Военная идентичность может проявляться с разной степенью – от сильно выраженной идентификации с армией (или военными практиками) до слабо выраженной. У. Вагнер, Я. Стельмахер, О. Христ и П. Тиссингтон выделяют три уровня военной идентичности: идентификация с личной карьерой в армии, идентификация с отдельными армейскими группировками (с военно-морским флотом, пехотой, военно-воздушными силами и т. д.), идентификация с вооруженными силами в целом («я – солдат, офицер») [9]. Как полагают Р. Йохансен, М. Мартинусен и Н. Квилвэн, личная/персональная модификация военной идентичности (идентификация с личной карьерой в армии) содержит в себе определенные риски, поскольку армейская жизнь предполагает поощрение коллективизма и подавление эгоцентризма военнослужащих. Военная идентичность, которая опирается на индивидуалистические профессиональные установки, находится в смысловом противоречии со структурой, задачами и требованиями армейской службы. Высокий уровень индивидуализма может породить такие эффекты, как снижение боевой эффективности [10] и организационной исполнительности [11]. В качестве маркеров военной идентичности можно рассматривать такие позиции, как «я – профессиональный военнослужащий», «я – военнослужащий украинской армии», «я – служащий миротворческих сил», «я – защитник отечества», «я – доброволец», «я – призывник», «я вынужденно попал в армию, сожалею об этом», «не считаю себя военным, хотя и служил/служу», «я – гражданское лицо, моя армейская служба – недоразумение»; «я – пехотинец», «я – артиллерист», «я – военный летчик», «я – танкист» и т. д.

Р. Йохансен, Д. Лаберг и М. Мартинусен выделили четыре модификации военной идентичности – идеалистическую, профессиональную, воинскую (Warriorism) и индивидуалистическую. *Идеалистическая* модель военной идентичности соотносится с понятиями коллективизма, патриотизма и альтруистических ценностей [11, р. 864]. М. Эрикссон полагает, что идеалистическая модель военной идентичности в современном мире стала неактуальной и от нее следует отказаться [12], тогда как Г. Бен-Дор и Д. Гриффит подчеркивают, что идеалистические ценности могут выступать в роли мощных мотивирующих факторов воинской эффективности [13; 10]. Теоретической основой *профессиональной* модели военной идентичности является концепция армейского профессионализма С. Хантингтона с ее тремя принципами: а) принципом важности для военнослужащих участия в международных военных операциях (экспедиционный этос, expeditionary ethos); б) инструментальным принципом развития и совершенствования боевых навыков военнослужащих (операциональный этос, operational ethos) и в) принципом усиления командной сплоченности и воинского братства/товарищества (этос товарищества, peer ethos) [14]. Содержанием *воинской* модели военной идентичности является принятие воинских/военных практик как образа жизни. Последняя модификация военной идентичности отчасти пересекается с тремя другими (возможно, по этой причине в

более поздних статьях Р. Йохансена и М. Мартинусена категория воинской военной идентичности уже не упоминается). И, наконец, *индивидуалистическая* модель военной идентичности предполагает приоритет личных интересов, армейский карьеризм, который, как показали исследования, коррелирует с невысокой военной эффективностью [10].

Военная идентичность тесно связана с транзитом / транзицией (transition) или, вернее, с двумя транзитами – переходом из гражданской жизни в армейское поле (после военной мобилизации или добровольного вступления в ряды вооруженных сил) и обратным переходом из армии в гражданское поле (после демобилизации или увольнения по состоянию здоровья), которые получили название «civilian-to-military transition» (СМТ) и «military-to-civilian transition» (МСТ). Если первый транзит предполагает формирование военной идентичности, то второй транзит соотносится с феноменом поствоенной идентичности [17; 18; 19; 20]. Транзит социальных акторов от армейской к гражданской жизни изучают А. Демерс, П. Хигат, Т. Карнер, Д. Волкер, Р. Смит и Д. Тру, Д. Блэкберн [21; 22; 23; 24; 26]. Н. Прахарсо использует термин «транзиты идентичности» (*identity transitions*), фиксирующий габитуальный дрейф от военной к гражданской (или наоборот) идентичности [25], который может длиться от нескольких дней до нескольких лет. А. Демерс применила схему жизненных переходов А. ван Геннепа и В. Тернера для анализа трех стадий транзита военной идентичности: 1. Сепарация (*Separation*): актор удаляется от привычного контекста общественной жизни, принимая новые правила/обычаи и трансgressирует прежнюю идентичность. 2. Лиминальность¹ (*Liminality*): актор не принадлежит ни предыдущему, ни новому социальному контексту. 3. Инкорпорирование (*Incorporation*): актор вовлекается в новую социальную структуру, часто с более высоким статусным уровнем, чем предыдущая группа [26, p. 162]. Транзит идентичности может соотноситься (хотя и необязательно) с «кризисом идентичности» (Э. Эрикссон), который свидетельствует о незавершенности перехода, конфликте идентичностей (прежней и новой), когда личность еще не сформировала новые убеждения и ценности, либо принятые ценности не позволяют ей достичь значимых результатов в жизненных практиках.

Итак, военная идентичность возникает, когда человек начинает идентифицировать себя с армией/военными, что чаще всего происходит после мобилизации в армию, но может начать формироваться и до службы, например, в военных семьях или кадетских корпусах. По мнению современных социологов, большое значение в формировании военной идентичности имеет возраст поступления на службу в армию. Если рекрутирование происходит в 18-20 лет (возраст, который многие социологи включают в интервал формативных лет), высока вероятность глубокой ресоциализации и усвоения военной культуры, от ценностей которой актору довольно сложно будет дистанцироваться после возвращения из армии. По мнению Р. Смита и Д. Тру, высокая степень военной идентичности (сильная идентификация с армией) является предиктором сложностей в период поствоенной реадaptации [19]. Военнослужащие, которые добровольно пришли служить в армию в более позднем возрасте с уже сформировавшейся социальной идентичностью, вероятнее всего, сформируют множественную идентичность, в которой будут сочетаться новые и старые паттерны социальных идентификаций; они с большей легкостью смогут осуществить обратный дрейф из армии в гражданскую жизнь.

Р. Вудворд и К. Дженкинс провели этнометодологическое исследование военной идентичности английских ветеранов (14 мужчин и 2 женщины) методом глубинного интервью с использованием фотографий (155 фото), на которых была изображена армейская жизнь респондентов [27, p. 256]. Армейские фотографии могут быть восприняты как «свидетельства присутствия», проявляющие и подтверждающие военную идентичность. Результаты интервью были разбиты на три блока: 1) профессиональный опыт (выработка военных навыков, таких как точность стрельбы, владение оружием и военной техникой, патрулирование вражеских территорий, умение маршировать и т. д.); 2) фиктивная родственность; 3) участие в военных операциях. Авторы сделали три важных вывода относительно формирования военной идентичности. Во-первых, именно специфическая деятельность/практики военных составляет основное содержание военной идентичности. Вне деятельностного контекста армейской жизни военная идентичность не существует, представляя собой мобильный, перформативный, а не застывший феномен [27, p. 263]. Во-вторых, военная идентичность формируется в контексте возникновения феномена боевого братства или фиктивного (небиологического) родства, проявляющегося в сильных эмоциональных связях дружбы, верности, в восприятии друг друга как братьев, а командиров – как отцов (как заметили Р. Вудворд и К. Дженкинс, на большинстве армейских фотографий изображены группы военных, одиночные снимки появляются довольно редко). Военная идентичность благодаря работе памяти (визуализированной в фотографиях) сохраняется и поддерживается во времени и в постармейский период жизни бывших военнослужащих. Как подчеркивают Г. Марингира, Д. Гибсон и А. Рихтер, боевое братство является устойчивым социальным состоянием, которое сохраняет свою силу и в постармейский период (это может проявиться в создании ветеранами различных

¹ Лиминальность – термин, введенный Арнольдом ван Геннепом в 1909 г.; означает промежуточную фазу в ритуалах, «когда для их участников перестают действовать общественные нормы, и они оказываются вне социального контроля» [36].

групп в социальных сетях, организаций ветеранов, которые поддерживают тесную связь друг с другом, помогают решать жизненные и профессиональные проблемы друг друга) [28, р. 37]. Наконец, в-третьих, милитарная идентичность воспроизводится и подтверждается во время участия солдат в военных операциях или вооруженных конфликтах (на фото были изображены солдаты, участвовавшие в военных мероприятиях в Северной Ирландии, в Западной Германии, Боснии, Албании, Фолклендских островах, Сингапуре, Белизе, Брунее, Ливии, Кувейте и Ираке), то есть проявляется в определенном географическом и социокультурном пространстве и времени.

Милитарная идентичность может оказывать значительное влияние как на опыт пребывания в армии [8], так и на процесс социальной реадaptации после демобилизации, когда перед бывшими военнослужащими встает задача воссоединить/синтезировать гражданскую и милитарную идентичности. Если высокий уровень милитарной идентичности может препятствовать социальной реадaptации в период второй транзисии (перехода от армейской к гражданской жизни), то в случае первой транзисии (переход от гражданской жизни к армейской) это может способствовать успешному приспособлению призывника к жизни в армии.

Как утверждает Р. Ван Дик, важность социальной идентификации с любой организацией (в том числе и военной) проявляется в том, что, чем больше социальный актер определяет себя в категориях ее членства, тем больше его установки и поведение будут регулироваться этими категориями членства в группе [29]. Те же выводы можно предложить относительно милитарной идентичности: чем больше военнослужащий определяет себя в категориях членства в вооруженных силах, тем больше его жизненные установки и поведение будут регулироваться армейскими правилами и стандартами. Р. Йохансен, М. Мартинусен и Н. Квилвэн выявили связь между высоким уровнем милитарной идентичности и успешным функционированием военнослужащих в армии². Высокий уровень милитарной идентичности связан с высокой степенью профессиональной вовлеченности³ военнослужащих в процесс решения армейских/боевых задач, что, в свою очередь, связано с высоким уровнем эмоциональной удовлетворенности. И, наоборот, низкий уровень милитарной идентичности, предполагающий высокий уровень индивидуализма военнослужащего, может породить ролевой конфликт и, как следствие, снизить удовлетворенность от выполняемой работы и повысить вероятность профессионального выгорания. Р. Йохансен, М. Мартинусен и Н. Квилвэн установили, что индивидуализм (и низкий уровень милитарной идентичности) отрицательно коррелирует с вовлеченностью в работу и положительно коррелирует с профессиональным выгоранием. Профессионализм (и высокий уровень милитарной идентичности) положительно коррелирует с вовлеченностью в армейскую деятельность и отрицательно – с профессиональным выгоранием [8].

Если в исследованиях норвежских теоретиков Р. Йохансена, М. Мартинусена и Н. Квилвэна речь идет о влиянии милитарной идентичности на армейский опыт социальных акторов, то в работах американцев С. Ланкастера, С. Кинчле и С. Кастро особое внимание уделено воздействию милитарной идентичности на жизнедеятельность ветеранов после завершения активного периода службы в армии и возвращения к гражданской жизни [15; 16, р. 35]. В армии солдаты подвергаются жесткому дисциплинарному принуждению с целью ограничения их независимости и самодостаточности ради утверждения ценностей коллективизма, в результате чего у них формируется чувство, что «даже твое тело принадлежит армии». «Вы ничего не можете делать в армии для себя, но только для армии». Культ порядка, послушания и коллективизма помогают солдату нести службу, но после возвращения к гражданской жизни этот культ вступает в противоречие с основными аспектами гражданской идентичности [19, р. 152]. Как подчеркивает Ф. Фридмен, участие в боевых операциях оказывает большое влияние на формирование сильной милитарной идентичности, поскольку длительное сосуществование с другими бойцами в ситуации смертельной опасности формирует сильную привязанность друг к другу, заботу, любовь, доверие и взаимозависимость, напоминающие родственные связи [31, р. 587]. Поэтому процесс социальной реадaptации участников боевых действий оказывается еще более сложным, поскольку исчезает привычная регламентация жизни, жесткий контроль, братское сообщество и возникает необходимость самостоятельно строить свою жизнь, без подсказок и команд, что сильно дезориентирует ветеранов, особенно в первые месяцы после демобилизации. Кроме того, недопонимание гражданскими лицами того, что пережили солдаты на войне, вынуждает последних сохранять еще большую верность

² В 2015 г. Р. Йохансен, М. Мартинусен и Н. Квилвэн изучали влияние милитарной идентичности на профессиональную вовлеченность и профессиональное выгорание военнослужащих норвежской армии. В исследовании приняли участие 211 военнослужащих (95% мужчин, средний возраст – 26 лет) отрядов быстрого реагирования норвежской армии, которые имели опыт участия в международных операциях [8].

³ Профессиональная вовлеченность включает в себя три аспекта: 1) принятие целей и ценностей организации, 2) готовность усердно работать ради интересов организации и 3) сильное желание поддерживать членство в организации. Профессиональную вовлеченность, по мнению Р. Модя, Р. Стирса и Л. Портера, можно рассматривать как показатель профессионализма (в том числе и профессионализма военнослужащего) [30].

милитарному прошлому, отсрочивая привыкание к гражданской жизни. По мнению Р. Смита и Д. Тру, это может иметь своим эффектом социальную отчужденность как реакцию на отсутствие привычного контроля и регламентации извне, что, в свою очередь, повлечет за собой неудачи в адаптации и непонимание со стороны гражданских лиц.

Р. Смит и Д. Тру в 2009-2011 гг. исследовали милитарную идентичность 26 американских ветеранов, которые участвовали в военных операциях в Ираке и Афганистане и вернулись к мирной жизни (с использованием метода глубинного интервью). Ветеранам были предложены открытые вопросы, касающиеся их армейского и постармейского опыта («Расскажите о Вашем опыте возвращения из армии»; «С кем Вы разговаривали о Вашем боевом опыте»; «С какими проблемами Вы столкнулись после демобилизации?»). Интервью были проведены с теми военнослужащими, которые демобилизовались более одного года назад, чтобы можно было изучать характер их социальной реадaptации после возвращения из армии. Исследователей интересовала роль милитарной идентичности в процессе транзита ветеранов боевых действий к гражданской жизни. Как выяснилось, постармейский период социальной реадaptации усложняется множественными контрастами между образом жизни военных и гражданских лиц, в результате чего возникает конфликт между милитарной и гражданской идентичностями социального актора, что негативно влияет на его социальное существование. Так, 51% ветеранов боевых действий в Ираке и Афганистане заявили о сложностях приспособления к гражданской жизни [19, р. 147]. По результатам канадского исследования, проведенного Д. Томпсоном в 2013 г., 27% ветеранов канадской армии сообщили о значительных трудностях, связанных с социальной реадaptацией; 56% заявили о том, что процесс перехода к гражданской жизни был достаточно легким, и 17% ответили, что переход не был ни легким, ни сложным [32].

Поскольку военные обладают сходным жизненным опытом (длительное пребывание вне дома, вдали от семьи, друзей и привычной жизни; несение службы в опасных для жизни ситуациях) и сталкиваются со сходными проблемами реадaptации, они склонны после демобилизации объединяться в различные группы поддержки (в социальных Интернет-сетях, в союзах ветеранов), что может породить эффект групповой замкнутости и дистанцированности от людей с иным жизненным опытом, стать причиной неспособности/нежелания искать эффективные способы взаимодействия с другими акторами, что, в свою очередь, может задержать/прервать процесс социальной реадaptации [33]. Процесс реадaptации может быть осложнен такой особенностью милитарного опыта, которую ученые называют армейским превозношением над «гражданскими» как обладающими худшими навыками организаторской деятельности, слабыми способностями работать в тяжелых условиях, худшей физической силой. Отношение к окружающим как к «слабым и неполноценным» может значительно отсрочить процесс приспособления к гражданской жизни.

Анализ западной научной литературы по проблеме милитарной идентичности, некоторые результаты которого представлены в этой статье, позволит нам сформулировать такие *выводы*.

1. Милитарную идентичность целесообразно изучать с использованием деятельностного подхода, поскольку она формируется в процессе осуществления таких специфических воинских практик, как участие в военных операциях, ежедневные физические тренировки, развитие воинских навыков (точность стрельбы, владение оружием и военной техникой) и т.п.

2. Высокий уровень милитарной идентичности может способствовать приспособлению рекрутов к службе в армии и препятствовать социальной реадaptации ветеранов после возвращения из армии.

3. Низкий уровень милитарной идентичности может породить неудовлетворенность новобранцев воинской службой и повысить вероятность профессионального выгорания.

4. Возраст военнослужащего оказывает большое влияние на степень выраженности милитарного опыта: при раннем рекрутировании военнослужащего (в 18-20 лет) высока вероятность глубокой ресоциализации/альтернативы и усвоения милитарной культуры, что может стать причиной сложностей с социальной реадaptацией после демобилизации или увольнения из армии по состоянию здоровья.

5. Осложнить процесс транзита военнослужащих из армейского в гражданское поле после демобилизации или увольнения по состоянию здоровья могут множественные контрасты между маскулинной милитарной культурой (с ее культом силы, дисциплины, порядка и контроля) и гражданской культурой (с ее ценностями свободы, творчества и самовыражения).

6. Факторами успешного транзита милитарной идентичности ветеранов являются общественное признание и социальное сопровождение, поддержка со стороны различных общественных и профессиональных организаций, массмедиа и органов государственной власти.

7. Высокий уровень милитарной идентичности коррелирует со стремлением ветеранов развивать милитарную субкультуру и поддерживать членство в региональных союзах ветеранов или социальных группах в Интернет-сетях.

В дальнейшем необходимо проведение кросс-культурных исследований для сравнения влияния милитарной идентичности на постармейскую жизнедеятельность акторов в разных социокультурных

условиях⁴. Поскольку социальная идентичность формируется в конкретных социокультурных контекстах, исследование украинских условий формирования военной/поствоенной идентичности может способствовать лучшему пониманию этого феномена. Перспективным является изучение гендерных аспектов военной идентичности – особенностей транзитов военной идентичности украинских женщин-ветеранов; осуществление сравнительного анализа мужских и женских военных практик в украинской армии.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А. Толстых, пер. А. Андреева. М. 1996. 344 с. 2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 3. Воропай Т. В поисках себя. Идентичность и дискурс. Харьков: ХГПУ, 1999. 4. Мусиездов А. Социологическая концепция городской идентичности. Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013. 372 с. 5. Українське студентство у пошуках ідентичності: монографія. За ред. В. Л. Арбеніної, Л. Г. Сокурянської. Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. 520 с. 6. Филиппова О. Язык в процессах конструирования и конституирования идентичности: представления о языке и идентичности среди харьковских студентов. *Ученые записки ХУА*. 2008. № 4. С.197-210. 7. Ядов В. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности. *Мир России*. 1995. № 3-4. С.58-81. 8. Johansen R. B., Martinussen M., & Kvilvang N. The influence of military identity on work engagement and burnout in the Norwegian army rapid reaction force. *Journal of Military Studies*. 2015. № 6. P.1–11. doi:10.1515/jms-2016- 0196 9. Wagner, U., Stellmacher, J., Christ, O., & Tissington, P. A. To Be(long) or Not to Be(long): Social Identification in Organizational Contexts. *Genetic, Social, and General Psychology Monographs*. 2005. № 131(3). P.189-218. 10. Griffith J. After 9/11, what kind of reserve soldier? Considerations given to emerging demands, organizational orientation, and individual commitment. *Armed Forces & Society*. 2009. №35. P.214-240. doi: 10.1177/0095327X07312490. 11. Johansen R B., Laberg J. C. & Martinussen M. Measuring military identity: Scale development and psychometric evaluations. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2013. №41. P.861–880. doi:10.2224/ sbp.2013.41.5.861 12. Eriksson M. Idealism or professionalism? *Journal of Military Ethics*. 2004. № 7. P.75-90. 13. Ben-Dor G., Pedahzur A., Canetti-Nisim D., Zaidise E., Perliger A., & Bermanis S. I versus we: Collective and individual factors of reserve service motivation during war and peace. *Armed Forces & Society*. 2007. №34. P. 565-592. <http://doi.org/bmqvxp> 14. Huntington S. P. The soldier and the State. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957. 15. Lancaster S. L., & Hart R. P. Military identity and psychological functioning: A pilot study. *Military Behavioral Health*. 2015. № 3. P.83–87. doi:10.1080/21635781.2014.995254 16. Lancaster S., Kintzle S., Castro C. Validation of the Warrior Identity Scale in the Chicagoland Veterans Study. *Identity: International Journal of Theory and Research*. 2018. Vol. 18. №1. P.34–43. doi.org/10.1080/15283488.2017.1410157 17. Coll J. and Weiss E. Transitioning Veterans into Civilian Life. *Handbook of Military Social Work*. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons Inc., 2013. 18. Castro C. A., Kintzle S. Suicides in the military: The post-modern combat veteran and the Hemingway effect. *Current Psychiatry Reports*. 2014. № 16. P.1–9. doi:10.1007/s11920-014-0460-1 19. Smith R. T., True G. Warring identities: Identity conflict and the mental distress of American veterans of the wars in Iraq and Afghanistan. *Society and Mental Health*. 2014. №4. P.147–161. doi:10.1177/2156869313512212 20. Robinson J., Littlefield P., Schleunig A. Transforming Veterans' Experiences during Military-to-Civilian Transition: Gaps and Opportunities. Washington, DC: Center for Innovation, U.S. Veterans Administration, 2017. 21. Higate P. R. Theorizing continuity: From military to civilian life. *Armed Forces & Society*. 2001. №27(3). P.443–460. doi:10.1177/0095327X0102700306 22. Karner T. Engendering violent men: Oral histories of military masculinity. *Masculinities and Violence*. Beverly Hills, CA: Sage, 1998. P.197–232. 23. Walker D. Narrating identity: Career soldiers anticipating exit from the British Army. PhD thesis, Durham University, 2011. 24. Blackburn D. Transitioning from Military to Civilian Life: Examining the Final Step in a Military Career. *Canadian Military Journal*. 2016. №16(4). P.53-61. 25. Praharso N., Tear M., Cruwys T. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change. *Psychiatry Research*. 2017. №247. P.265-275. 26. Demers A. When veterans return: The role of community in reintegration. *Journal of Loss and Trauma*. 2011. №16(2). P.160-179. 27. Woodward R., Jenkins K. Military Identities in the Situated Accounts of British Military Personnel. *Sociology*. 2011. №45(2). P.252–268. DOI: 10.1177/0038038510394016. 28. Maringira G., Gibson D., Richters A. «It's in my blood»: the military habitus of former Zimbabwean soldiers in exile in South Africa. *Armed Forces Sociology*. 2015. №41(1). P.23–42. doi.org/10.1177/0095327X14523001. 29. Van Dick C., Finchilescu G. Symbols of organisational culture: Describing and prescribing gender integration of navy ships. *Journal of Gender Studies*. 2008. №17(3). P.237–249. 30. Mowday R.T., Steers R. M., Porter L. W. The measurement of organizational commitment. *Journal of Vocational Behavior*. 1979. №14. P.224-247. doi.org/b26bsn 31. Friedman M. J. Posttraumatic Stress Disorder among Military Returnees from Afghanistan and Iraq. *American Journal of Psychiatry*. 2006. №163(4). P.586-593. 32. Thompson J., Van Til L., Poirier A., Sweet J., McKinnon K., Sudom K., Dursun S., Pedlar D. Health and Well-Being of Canadian Armed Forces Veterans. *Findings from the 2013 Life After Service Survey*. Charlottetown PE: Research Directorate, Veterans Affairs Canada. Research Directorate Technical Report, 2014. URL: <http://www.veterans.gc.ca/pdf/about-us/research-directorate/2013-survey-caf-health.pdf> (дата звернення 15.05.2018). 33. Greenberg N., Langston V., Gould M. Culture: What is its effect on stress in the military? *Military Medicine*. 2007. №172(9). P.931-935. 34. Daley J. Understanding the military as an ethnic identity. *Social work practice in the military*. New York, NY: Routledge, 1999. P.291–303. URL: <http://www.routledge.com/books/details/9780789006264/> (дата звернення 15.06.2018). 35. Glöckner F. PTSD and collective identity in former Ugandan child soldiers (Doctoral

⁴ На данный момент были проведены исследования военной идентичности в Норвегии, Великобритании, США, Уганде, Израиле и некоторых др. странах [11; 34; 35].

dissertation). University of Konstanz, Konstanz, 2007. URL: https://kops.ub.uni-konstanz.de/xmlui/bitstream/handle/urn:nbn:de:bsz:352-opus-33085/Gloeckner_DA.pdf?sequence=1 (дата звернення 15.05.2018). 36. Трещенок Ю. «Обряды перехода» Арнольда ван Геннепа, его теория и метод. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 179-182.

Концепт военной идентичности в современной социологии

В статье представлены основные признаки военной идентичности, рассмотрены теоретические подходы к изучению проблемы военного/послвоенного транзита. Военная идентичность определяется как результат социальной идентификации актора с армией/военными группами вследствие интернализации ценностей и норм, принятых в армейском/военном поле. Выявлены особенности двух военных транзитов – транзита из гражданской жизни в армейское поле (после мобилизации или добровольного вступления в ряды вооруженных сил) и транзита из армии в гражданское поле (после демобилизации или увольнения по состоянию здоровья). Подчеркнуто, что первый транзит предполагает формирование военной идентичности, второй соотносится с феноменом послвоенной идентичности. Отмечено, что высокий уровень военной идентичности может, с одной стороны, препятствовать социальной реадaptации в период второй транзиции (перехода от армейской к гражданской жизни), с другой – способствовать успешному приспособлению призванного к жизни в армии в случае первой транзиции (перехода от гражданской жизни к армейской). Акцентировано на том, что послвоенный период социальной реадaptации актора может быть осложнен контрастом между образом жизни военных (с его культурой послушания, дисциплинированности, командного духа) и гражданских лиц (ценящих независимость, личностную автономию и самоопределение), что может привести к конфликту между военной и гражданской идентичностями социального актора, негативно повлиять на его социальное существование.

Ключевые слова: социальная идентичность, военная идентичность, военные, армия, транзит военной идентичности, реадaptация.

Отримано 27.08.2018